Мониторинг переписи–2002 в Татарстане

*Дмитрий Горенбург**

Введение и методология

В отчете описывается ситуация в Татарстане накануне и во время проведения переписи 2002 г. Он составлен по данным полевого обследования, проведенного в г. Казани с 6 по 16 октября 2002 г. В связи с переписью в Татарстане сложилась довольно напряженная политическая ситуация. Я прибыл в Казань за четыре дня до нее и первые несколько дней провел во встречах с представителями местных политических и культурных организаций, занимавших определенную позицию к переписи. Тогда же я встретился также с несколькими правительственными чиновниками для обсуждения ситуации в регионе и проблем, связанных с переписной кампанией.

Наиболее серьезной проблемой, с которой я столкнулся при проведении полевой работы, было полное отсутствие доступа к Госкомстату. Меня предупредили не обращаться непосредственно к чиновникам республиканского Госкомстата вплоть до последних этапов проведения переписи, поскольку существовало опасение, что они могут запретить работникам переписных участков встречаться с исследователями. Но избегание высокого начальства не помогло. Начальники участков и инструкторы отказались встречаться со мной и моим коллегой из Казани без одобрения начальства, которое, разумеется, получено не было. А без этого не было и возможности сопровождать переписчиков во время их работы.

Но нам все же удалось организовать фокус-группу из переписчиков г. Казани, используя наши университетские знакомства. Мы воспользовались ими также для встреч с другими переписчиками и для визитов к друзьям во время, когда они ждали переписчиков. Кроме того, мы взяли интервью о том, как их переписывали, у нескольких знакомых – жителей Казани. С помощью всего этого нам удалось составить

---

* Текст статьи переведен с английского С. В. Соколовским и авторизован Дм. Горенбургом 16.01.2003 г.

относительно целостную картину проведения переписи в столице Татарстана.

К сожалению, нам не удалось – из-за отсутствия необходимых контактов – встретиться с сельскими переписчиками. Правда, мы посетили одну кряшенскую деревню около Казани, но у меня есть основания сомневаться в откровенности наших собеседников (местные учителя) – из-за присутствия при нашем разговоре кряшенского активиста с хорошо известной точкой зрения на проблему кряшенской идентичности. Вполне возможно, что жители деревни, с кем мы разговаривали, не захотели открыто оспаривать его мнение при незнакомых посторонних людях. Таким образом, наш анализ проведения переписи в сельской местности ограничивается сведениями, полученными из местных средств массовой информации.

Политическая ситуация

Основным источником политической напряженности во время переписи в Татарстане стал вопрос о национальности. Татарские активисты были твердо убеждены, что российское правительство, с помощью Института этнологии и антропологии РАН и лично его директора Валерия Тишкова, намеревается разделить татарскую нацию на несколько этнических групп, рассчитывая таким образом сократить долю татар в населении республики до уровня менее 50%. Они утверждали, что Москва упразднит республику Татарстан, если перепись покажет, что татары в ней не составляют большинства. Распространение официального алфавитного списка национальностей Госкомстата, предпринятое местными политиками в первые дни переписи, способствовало усилению этих опасений. Местные активисты быстро подсчитали, что список содержит 45 наименований различных татарских групп, каждое из которых имеет отдельный код, и использовали эти данные как доказательство существования заговора Госкомстата с ИЭА РАН.

Для предотвращения раздела нации эти активисты организовали кампанию, чтобы убедить кряшен (православных татар) и членов других подгрупп татар называть себя переписчикам просто татарами. Они попытались использовать критическую статью В. Тишкова относительно Всемирного Конгресса татар, опубликованную накануне переписи в центральной и в местной печати, для мобилизации татар. Как мне сказал один из сопредседателей Всемирного Конгресса татар, он был уверен, что эта статья будет иметь обратный эффект и объединит всех татар вокруг идеи национального единства.

При таком сосредоточении внимания на вопросе о национальности не удивительно, что исчезновение из переписного бланка вопроса о родном языке не вызвало особой озабоченности. Те, кто обратил на это внимание, связали свою озабоченность с тем, что они называли растущим притеснением татар в Башкортостане, где исторически проживало большое число людей, идентифицируемых как башкиры по национальности, но с родным языком татарским. Активисты утверждали, что отсутствие вопроса о родном языке позволит правительству Башкортостана узаконить введение образования на башкирском языке в татароязычных деревнях, жители которых (возможно, под давлением) отнесли себя по национальности к башкирам.

Качество переписи

Наиболее серьезные проблемы при проведении переписи возникли не из-за этих политических осложнений, а по причине плохой подготовки инструкторов и переписчиков. Все участники фокус-группы переписчиков (с разных переписных участков) были едины во мнении, что инструкторы оказались совершенно не подготовленными. Все шестеро заявляли, что обучение не пошло дальше чтения брошюр с инструкциями. Не было ролевого разыгрывания или обсуждения различных сложных ситуаций. Многие инструкторы сами не были готовы к разрешению таких ситуаций, как разногласие родителей по поводу национальной принадлежности детей, или не знали ответа на вопрос, могут ли респонденты переписать своих родственников, которые прописаны у них в квартирах, но учатся в другом регионе или временно работают за границей.

Переписчики также не всегда были знакомы с методикой заполнения переписных анкет. Во многих случаях они не задавали вопросов о гражданстве или о том, проживал ли человек в Татарстане с рождения, а вписывали ответы сами*. В одном случае, когда переписываемый заметил, что хотя он и родился в Казани и живет там сейчас, но не жил непрерывно с момента рождения, переписчица расстроилась, что она испортила анкету, и задала ему вопрос, где он находился в 1989 г. Услышав, что он находился в Казани, она обрадовалась и сказала: «Ну, тогда все в порядке! Мы можем оставить все как есть».

Абсолютное большинство жалоб, зарегистрированных «горячей линией» федерального округа, также было связано с переписными

* Обычно вопросы все же задавались, но общение происходило примерно так: «Вы ведь гражданин России?», – спрашивал переписчик, уже ставя соответствующую отметку в анкете.

процедурами, а не с политическими вопросами. Люди жаловались, например, на то, что переписные анкеты заполнялись карандашом или в блокнотах, а не на официальных переписных бланках. Переписчики же, в свое оправдание, объясняли это тем, что переписных бланков не хватает, и они боятся их испортить. Иногда они оправдывали использование блокнотов тем, что на их участке временно закончились переписные бланки, или тем, что они слишком тяжелые.

По оценкам переписчиков, приблизительно в 4–5% квартир люди наотрез отказались от участия в переписи, и еще примерно столько же людей отказалось впустить переписчиков в дом, заявив, что они сами позднее посетят переписные участки. Если учесть еще и нелегальных мигрантов, торгующих на местных рынках, которые в своем большинстве избегали переписи, то общая доля уклонившихся от переписи в г. Казани может составить около 7%.

Этническая идентичность

Как уже было сказано, вопрос об этнической идентичности был главным при обсуждении переписи татарскими интеллектуалами. Активисты неоднократно подчеркивали факт появления «45 разновидностей татар» в официальном списке национальностей Госкомстата. Краткое ознакомление со списком подтверждает тот факт, что он действительно содержит 45 групп татар (если к татарам причислить пять групп башкир). Порядковые номера кодов позволяют предугадать предварительные решения Госкомстата по группировке этих подразделений при публикации результатов. Татарам, как второй по численности этнической группе, после русских, был присвоен цифровой код 3 (код 1 зарезервирован за населением России в целом, а код 2 присвоен русским). Башкирам, разумеется, присвоен отдельный код – 6. Три группы татар закодированы так, что в будущих публикациях их численность может быть указана отдельно. Это сибирские татары (112), крымские татары (113) и кряшены (159). Прочим подгруппам татар присвоены цифровые коды с высокими номерами, что говорит о том, что они почти наверняка войдут в одну из перечисленных выше групп. Есть четыре подразделения башкир (включая часть тептярей), два – кряшенов, 13 – татар и 20 – сибирских татар. Последовательность перечисления таких групп, как мишари и астраханские татары, указывает на то, что они будут объединены с татарами. Остальные подразделения представляют собой различные написания одной и той же группы (мижэр) или наименования на местном языке (казанлы, сибир татарлар). Этнические подгруппы также перечислены, особенно по

сибирским татарам. Следует заметить, что наличие отдельного кода в списке Госкомстата еще не означает, что в публикациях результатов переписи группа будет выделена отдельно. Даже если она упомянута в первой части списка (как сибирские татары или кряшены) – она может быть объединена при публикации с татарами или приведена в качестве подгруппы. Из-за опасности неучастия в переписи по политическим мотивам принятие решения по этим вопросам было сознательно отложено на послепереписной период. Нам следует ожидать очередного раунда горячих дискуссий по этой теме в ближайшие месяцы.

Три группы, которые с наибольшей вероятностью будут перечислены отдельно, заслуживают особого внимания. Из них вопрос о крымских татарах наименее остр, так как они широко признаются в качестве отдельной группы. Две другие были источником значительной напряженности еще до переписи. Сибирские татары имеют меньшее значение для Татарстана, так как проживают преимущественно за пределами республики. Тем не менее татарские активисты в Татарстане утверждают, что усилия лидеров сибирских татар провозгласить себя отдельной этнической группой обусловлены материальной заинтересованностью – расчетом на определенные льготы в случае, если их признают коренным народом в регионах их традиционного проживания – Тюменской и Томской областях. Они также говорят, что если сибирские татары провозгласят себя отдельной этнической группой и выделятся из татарской нации, Татарстан не будет считать себя обязанным помогать им в обеспечении учителями и учебниками или в финансировании их культурной деятельности*. Татарские активисты верят, что большинство татар в указанных регионах противятся разделению. Ситуацию осложняет проживание в местах расселения сибирских татар значительного числа татар – мигрантов из Поволжья.

Я присутствовал на встрече исполкома Всемирного Конгресса татар с делегацией татарских учителей из Тюмени. Учитывая характер форума, где они выступали, неудивительно, что все они выразили свое неприятие разделения татарской нации. Позднее мне сказали, что эти учителя являются либо мигрантами из Татарстана, либо тюменскими татарами, обучавшимися в Казани. Иными словами, их никак нельзя считать репрезентативной выборкой, отражающей общественное мнение татар, живущих в Тюмени.

---

* Я сознательно воспроизвожу эссенциалистские воззрения на этнические группы, обычно используемые татарскими активистами. Они повсюду трактуют этнические группы как целостные субъекты, способные принимать решения.

Поскольку большинство кряшен проживают в Татарстане, у меня была хорошая возможность познакомиться с разнообразием их понимания своей этнической идентичности. Точная численность кряшен в Татарстане неизвестна – оценки колеблются от 100 до 200 тысяч. Часть этой группы считает себя просто татарами с другой религией. Вторая часть – этнической подгруппой в составе татарской нации. Третья воспринимает себя совершенно самостоятельной этнической группой. Наконец, остальные – полагают, что они стали отдельной этнической группой из-за того, что татары-мусульмане относились к ним как к татарам второго сорта. Как мне сказал один из кряшенских активистов: «Татарская нация должна была выбирать между двумя формулами: одна нация – одна религия, или одна нация – две религии. Большинство татар выбрали первый путь, и они продолжают напоминать нам об этом». Лидеры кряшен сделали из этого для себя вывод, что получить необходимое финансирование на свои культурные нужды они смогут, только если заявят о себе как о самостоятельной этнической группе.

В ходе переписи по региональным «горячим линиям» было получено некоторое количество жалоб от кряшен. В них говорилось, что им либо препятствовали называть свою национальность, либо принуждали называться татарами. В ряде случаев кряшен записывали «крещеными татарами» – наименование, которого нет в официальном списке этнонимов. Лидеры кряшен подозревают, что этот этноним будет кодироваться как просто татары, что сократит общее число кряшен, зарегистрированных переписью. Жалобы послужили основанием для организации специальной комиссии Госкомстата, посетившей несколько сельских районов Татарстана, где сосредоточено большинство кряшен. И хотя газеты вначале сообщали о многочисленных нарушениях закона о переписи в этих районах, по возвращении комиссии в Казань было официально заявлено, что настоящих нарушений было немного и что большинство жалоб связано с семейными разногласиями по поводу того, как обозначить свою национальность. Быстрое изменение тона и отказ местного Госкомстата от встреч со мной для обсуждения хода переписи заставляют подозревать, что он не захотел обнародовать сведения, которые могут разрушить представление, что перепись проводится эффективно и открыто. Однако это лишь мое предположение, ибо у меня нет доказательств, что нарушений было больше, чем те 20–30 случаев, о которых известно из официальных источников.

Смешанные браки и этническая идентичность

Вопрос о национальности возникал также в этнически смешанных семьях – в связи с определением этнической принадлежности малолетних детей. Наша фокус-группа установила, что в основном национальность таких детей была записана по отцу. Во многих случаях, когда мать была татаркой, а отец (русский) во время посещения переписчика отсутствовал, дети были записаны татарами. В некоторых семьях, где было несколько детей, часть из них была записана татарами, а часть – русскими («чтобы быть справедливым по отношению к обеим сторонам в семье»). Было много случаев, когда родители спрашивали пятилетних детей, как они хотят, чтобы записали их национальность. Многие мои знакомые из числа татарской интеллигенции рассказывали истории о родственниках, состоящих в смешанных браках, которые проводили «кампании по просвещению» своих детей (включая взрослых детей), чтобы обеспечить их запись в переписи, как татар.

Небольшое число взрослых респондентов отказались назвать свою национальность – или из нежелания выбирать между национальностями родителей (принадлежащими к разным национальностям), или из-за того, что они считали, что их национальная принадлежность – их личное дело и государству нет дела до нее. В одном случае, которому я сам был свидетелем, респондент («100–процентная татарка», но замужем за русским) настаивала, чтобы переписчик не записывал ее национальности, поскольку, по ее мнению, эта категория не имеет значения в современном обществе.

Гражданство

Вопрос о гражданстве не вызвал особых проблем во время переписи. Некоторые люди объявляли себя гражданами Татарстана, а не Российской Федерации, хотя специально организованной кампании, направленной на это, не было. В одном случае, который я наблюдал, между переписчиком и респондентом возник спор по этому вопросу, однако респондент настаивал на своем и был записан гражданином Татарстана.

Большей проблемой в связи с вопросом о гражданстве была склонность переписчиков указывать российское гражданство, не задавая соответствующего вопроса или не дождавшись ответа респондента. Переписчики из нашей фокус-группы разъяснили, что их инструктировали задавать вопрос о гражданстве только людям, «чей вид заставлял думать, что у них может быть двойное гражданство». Когда мы их

спросили, что это означало на практике, они сказали, что это могли быть люди с высшим образованием или люди, выглядевшие, как иностранцы.

Язык

Наиболее серьезная проблема при проведении переписи была связана с родным языком. Первоначальное решение об исключении вопроса об этом было пересмотрено, но слишком поздно, чтобы снова ввести его в переписную форму. Вместо этого Госкомстат проинструктировал переписчиков задавать вопрос о родном языке всем респондентам, а затем, если родным языком был русский, делать отметку в соответствующем поле внизу формы, а если нет, записывать родной язык в первую строку графы о других языках, которыми владеет опрашиваемый. Это было бы выходом из положения, если бы все переписчики строго следовали инструкциям. Но многие из них не читали инструкций и просто придерживались переписной анкеты. Другие игнорировали инструкции, получив соответствующее указание инструкторов. В результате вопрос о родном языке задавался нерегулярно. В результате телефонного опроса, проведенного одним татарским этнографом среди 30 его знакомых, проживающих в различных районах г. Казани, выяснилось, что вопрос о родном языке задавался только семерым из них. Поскольку по вопроснику невозможно установить, задавался ли вопрос о родном языке или нет, остается неясным, каким образом (и будут ли вообще) рассчитываться данные о родном языке, собранные в результате этой переписи*. Уже сегодня ясно, что ко всяким данным об этом нужно будет относиться с большой осторожностью.

Иные татары-националисты, после ответа на первые восемь вопросов переписной анкеты на безукоризненном русском, заявляли, что не знают этого языка. Такие случаи редки, но они свидетельствуют о недовольстве части татарских интеллектуалов доминированием русского языка в Татарстане.

* Такие данные необходимы для кодирования некоторых национальностей, в случаях, когда разные коды используются для обозначения одного и того же этнонима в зависимости от родного языка (например, для тептярей, коми и саха).